

С любовью о женщинах

Здравствуй, уважаемая редакция. Меня зовут Перминов Геннадий. Я являюсь инвалидом второй группы (ампутация ног) и проживаю в Кулебакском доме-интернате для граждан пожилого возраста и инвалидов. Я председатель первичной ячейки организации ВОИ и активно занимаюсь литературным творчеством. Вот и решил выслать зарисовочку о женщинах нашего дома (как-никак 8 Марта) и одно из своих произведений.

Дом-интернат, Дом престарелых. А мне больше нравится Дом Милосердия. Во-первых – это очень доброе слово, а во-вторых – я здесь живу. И вопреки негативному мнению моих многочисленных знакомых и друзей, я живу довольно неплохо. Хотя мне всего 49 лет. Но речь пойдет не обо мне, хотя и о себе я могу рассказать немало.

В нашем доме уютные и светлые комнаты, рассчитанные на одного или двух человек, которые каждый облагораживает по своему вкусу и возможностям. Разнообразное пятиразовое питание, своевременная медицинская помощь и знающий свое дело, лояльный и доброжелательный персонал. Огромный домашний кинотеатр со спутниковой антенной и прекрасная библиотека. У нас есть даже свой театр, кстати, единственный подобный

коллектив в области, где основной состав – женщины. Я не знаю почему, хотя и догадываюсь, но женщин, проживающих в нашем доме, гораздо больше, чем мужчин. Ведь они – ЖЕНЩИНЫ. Добродушные и ворчливые, разговорчивые и молчаливые, веселые и грустные... Средний возраст – далеко за... Они не воевали, но они трудились наравне с мужчинами. На благо Родины и во имя Великой Победы. Война задела каждую из них: кого – похоронкой, кого – искалеченными родственниками и почти всех – почетными грамотами и медалями за труд в годы войны. Сегодня я хочу рассказать о двух женщинах, на хрупкие плечи которых легло наиболее тяжелое испытание. А они не считают себя героинями. Простые русские бабы, с обычной биографией того времени.

Буканова Анастасия Даниловна родилась в голодном и тяжелом 1921 г. Худенькая, большеглазая, она наравне с мужиками таскала мешки с зерном на посевной, корчевала пни на строительстве дороги, доила колхозных коров.

Началась война и Настю с подругами посылают в Муром, рыть окопы. А зимой к ним приехал однорукий председатель колхоза и уговорил девушек учиться на трактористок:

– Мужиков кормить надо, – осипшим голосом обосновывал Васильич свою просьбу-приказ, а девчата согласи-

лись. Из пяти ее подруг выдержала только она, Настена.

Она привычно вела тяжелый трактор по полю, когда из перелеска показался мужчина в военной форме. Радио в деревне, конечно же, было, но только теперь, плача от радости, она поверила, что война действительно кончилась.

Медаль «За доблестный труд в годы ВОВ», юбилейные медали, почетные грамоты – так высоко оценены заслуги Анастасии Даниловны перед Родиной.

Королькова Александра Ивановна, Шура, родилась в 1927 г. Когда репродуктор зловещим голосом сообщил о начале войны, Шура было 14 лет.

Приехали из военкомата и на деревенском сходе сообщили, что фронту срочно нужен лес. На укрепление окопов, на постройку блиндажей и землянок. Девочка пошла в бригаду сучкорубов. Затем – на валку леса, а после – на самую ответственную – на погрузку. Война закончилась, а у Шуры на руках

оставалась больная мать и младшие сестренки. Девушка устроилась на металлургический завод, на ковку корабельных цепей, так необходимыми для судостроительной промышленности.

Правительство высоко оценило труд Александры Ивановны в годы войны, наградив ее медалью «За доблестный труд в годы ВОВ», юбилейными медалями, а за работу в мирное время – орденом Трудового Красного Знамени и множеством почетных грамот.

А сейчас героини моего повествования с нетерпением ждут весны. Ведь вместе с теплыми лучами солнца придет праздник, их праздник. Женский. И мы от всей души поздравляем наших славных и мужественных женщин. С праздником вас, дорогие!

Рассказ Геннадия ПЕРМИНОВА

«Держать хорошую собаку, имея рядом с собой умную и преданную женщину – это же признак счастья!» – сказал кто-то из великих людей эпохи Возрождения, и, возможно, по этой причине я до сих пор не женился... А насчет собаки...

Жили мы тогда в глухой таежной деревеньке, затерянной в бескрайних лесах Коми АССР. Мы – это моя мать, всю жизнь проработавшая дояркой в колхозе, безрадостное существование которой обеспечивал своими постоянными запоями ее муж, мой папаша.

Отец работал в леспрохозе вальщиком леса и считался бы отличным специалистом, если бы не его пагубная страсть к алкоголю. Во хмелю он частенько поколачивал жену, подкрашивая ее и без того трудную жизнь фиолетовыми синяками.

Сестра Танька, пятилетнее существо, считала неперенным долгом испортить мою вольготную жизнь молчаливым, но постоянным присутствием.

И наконец я, четырнадцатилетний любитель неограниченной свободы, который, на великую радость учителям, в следующем году заканчивал восьмилетнюю школу. По мере взросления сестры я пользовался все более возрастающей свободой, пропал на рыбалку или уходил в лес, поход в который для Таньки был под строжайшим запретом.

Зимой же я увлекался охотой. Своего ружья у меня не было, и я расставлял силки на птиц или петли на зайцев, но самой большой добычей был рябчик, подраненный кем-то из охотников. По этой причине он не мог взлететь, и я, внутренне обливаясь слезами, мужественно добил его палкой.

Когда мне исполнилось пятнадцать лет, мой приятель – дед Степан – пригласил меня к себе:

– Вижу, вырос, – задумчиво произнес он, пристально разглядывая мою худосочную фигуру. – Вот подарок хочу тебе сделать, – с этими словами дед протянул старенькую двустволку – мою давнюю мечту.

– Пошли во двор, – он кряхтя поднялся с колченогого стула, и мы вышли на улицу, где он отвязал скулящую от нетерпения годовалую лайку, свою гордость и зависть всех уважающих себя охотников деревни, и сунул кожаный поводок мне в руку. Затем достал из сарая широкие охотничьи лыжи, подбитые лосиной шкурой, и тоже протянул их мне.

– Пользуйся, но с умом! – коротко сказал старик и, потрепав напоследок собаку, зашаркал к дому, вытирая глаза, а я остался посреди двора, не веря своему счастью.

Пролетел еще год. Я набирался охотничьего опыта, а вместе со мной вырос и Чижик – так звали лайку. Пес привык ко мне, и я без опаски, что он вернется к деду, брал его с собой в лес, где Чижик одинаково хорошо шел на белку, поднимал стайки рябчиков и отлично брал лису. Невысокий

«Никогда не смотри зверю в глаза!» – вспомнились слова деда, а руки машинально вскидывали ружье к плечу. Медведь опешил не менее меня и, глухо зарывчав, встал на задние лапы, а передние протянул ко мне.

«Ого-го, какой здоровый! Дуплетом по глазам и бежать, если

вителями, и, кряхтя от боли, вытащил большую еловую лапу. Затем, бережно переложив на нее не подающее признаков жизни тело Чижика, я снял ремень и, привязав ветку к патронташу, тронулся в обратный путь, используя остатки ружья как подпорку.

Стемнело. На небе зажглись крупные, с кулак, необычайно яркие звезды, а я шел, шатаюсь из стороны в сторону, отгоняя свободной рукой разноцветные круги, бешеным хороводом мельтающие перед глазами.

ним умишком, что произошло нечто страшное, Танька поднесла сжатые кулачки к лицу и завывала, тоненько, по-бабьи. Затем не утирая слез, катившихся по ее пухлым щекам крупными градинами, она сняла шаль, накрыла ею собаку, заботливо подоткнув по краям, присев рядом на корточки, обняла меня за плечи... Прошло много лет, но я по-прежнему не держу собаку, несмотря на то, что друзья не раз предлагали мне элитных, клубных щенков.

Подчиняясь неумолимым требованиям врачей подлечить нервную систему и больные ноги, я купил маленький домик на окраине небольшого провинциального городка.

Стояла глубокая осень. Ночами я тоскливо слушал шум надоедливой дождя, плясая в осточертевший телевизор, а днем же, если позволяла погода, выходил на лавочку перед домом погреться в лучах остывающего ноябрьского солнца.

Через дорогу жила молодая семья, у которой был четырехлетний сын Игнат, маленький, рассудительный мужичок, который часами копался в куче песка. Иногда он подходил ко мне, усаживался на противоположную сторону скамейки, но несмотря на все мои попытки заговорить с ним, убежал.

Сегодня с утра шел дождь, поэтому я, сидя в кресле у окошка, прихлебывал остывающий кофе, с тоской поглядывая на пустынную улицу. Неожиданно раздался стук в дверь.

– Войдите, не заперто! – крикнул я и с удивлением поднял брови, увидев на пороге своего маленького соседа. Малыш был одет в теплую куртку с капюшоном, с которой стекали струйки дождя, и держал в руках серый, жалобно пищавший комочек.

– Это Пальма! – он немного помолчал, собираясь с мыслями, и веско добавил: – Она – мальчик! Нельзя тебе без собаки, это ведь друг, правда?! – вопрошающе-утвердительно продолжал Игнат, не сводя с меня пристального взгляда и сосредоточенно ковыряя пальцем в носу. Он опустил щенка на пол.

Пока я размышлял над простыми словами ребенка, песик, ковыляя на слабых ножках, деловито обошел комнату, сделал лужу на паласе и подошел ко мне. Неуверенно махнув куцым хвостиком, ткнулся в подставленную ладонь влажным носом и доверчиво поднял на меня глазенки-бусинки – глаза моего преданного Чижика.

– Конечно, правда, Игнат! – серьезно, как взрослому, ответил я и, отвернувшись к окну, проглотил невольно подступивший к горлу комочек.

Чижик

в холке, стремительный в броске, с необычайно преданными глазами и ласковым, дружелюбным нравом пес скорее походил на домашнего терьера, чем на матерую охотничью собаку. Я не верю в переселение душ, но иногда мне казалось, что Чижик своим вниманием и заботой заменял мне в конце спившегося отца.

Быстро закончилось короткое северное лето, и на юг потянулись косяки диких гусей и уток, нежным мясом которых мы с Чижиком нередко баловали домашних.

Вот и сегодня с утра я начал собираться в лес, на дальнее болото, где обычно сбивались в стаи утки перед отлетом в дальние края, а пес, чувствуя приятное времяпровождение, крутился под ногами, покусывая меня за сапоги и нетерпеливо повизгивая.

Вышли мы во второй половине дня, и, едва зайдя в лес, я вогнал в стволы два патрона с крупной дробью, мы углубились в тайгу по разбитой осенней дороге.

До Утинового болота было километров шесть, и я шел не спеша, погруженный в свои уже не детские мысли, надеясь дотемна вернуться домой с добычей. Вот и поворот – осталось совсем немного. Я оторвался от своих дум и, окриком успокоив лайку, внимательно всмотрелся в открывающуюся передо мной широкую просеку.

– Вот зараза! – вырвалось у меня непроизвольное восклицание. Прямо на меня, на четырех лапах, низко пригнув к земле голову, шел медведь, погруженный в свои медвежьи мысли.

Зверюга, видимо, еще не нашел свою лежку, потому что его урчание было скорее довольным, чем раздраженным, а сам он был сытый, с лоснящейся шерстью и нагулянным за лето жиром.

Ситуация была катастрофической, потому что у меня в стволах была дробь, а перезарядить пулю не успевал – до столкновения оставались считанные метры. Я непроизвольно икнул, скорее от удивления, чем от страха, испугаться я не успел. Зверь поднял голову, и наши взгляды встретились.

успею! – мелькнуло в голове. Внезапно из кустов с треском вылетел Чижик и с жутким визгом взлетел зверю на холку. Все завертелось. Медведь яростно размахивал передними лапами, пытаясь сбросить с себя пса, который остервенело рвал ему загривок, я нащупал содранную с левого виска до скулы кожу.

Брызнула кровь из разорванного бока Чижика, страшный удар вырвал у меня из-под ног дорогу и свырнул в овраг. Ударившись головой о сосну, я потерял сознание.

Когда я очнулся, короткий октябрьский день подходил к концу. Осторожно ощупал тело. Левый рукав телогрейки разорван, сочится кровь из плеча, сильно болит грудь, а кости, кажется, целы. Поднес руку к саднящему лицу, я нащупал содранную с левого виска до скулы кожу.

«Где же Чижик, что с ним?» – с трудом соображая, подумал я. Поддав приступ тошноты и встав на четвереньки, я выполз на дорогу, на обочине которой лежало обезображенное тело моей собаки, а рядом – разбитое ружье.

– Чижик, Чижик! – хрипло позвал я, подтаскивая к себе за ремень изуродованный подарок деда. Пес не шевельнулся, и я, опираясь на ствол, поднялся на трясущихся ногах.

«Мертв? Как же его дотащить?» – я не допускал даже проблеска мысли, чтобы оставить бездыханное тело собаки в лесу. Оглядевшись, я заметил невдалеке кучу веток, оставленную лесозагото-